

·the big book·
ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ЗАБЫТЫЙ
ЛЕГИОН

Забывтый легион
Серебряный орел
Дорога в Рим

БЕН КЕЙН

СЕРЕБРЯНЫЙ ОРЕЛ

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
К 33

Ben Kane
THE SILVER EAGLE
Copyright © Ben Kane, 2009
First published as THE SILVER EAGLE in 2009
by Preface Publishing, an imprint of Cornerstone.
Cornerstone is part of the Penguin Random House group of companies.
All rights reserved

Перевод с английского Андрея Гришина
Оформление обложки Егора Саламашенко
Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса
Карта выполнена Юлией Каташинской

ISBN 978-5-389-20887-2

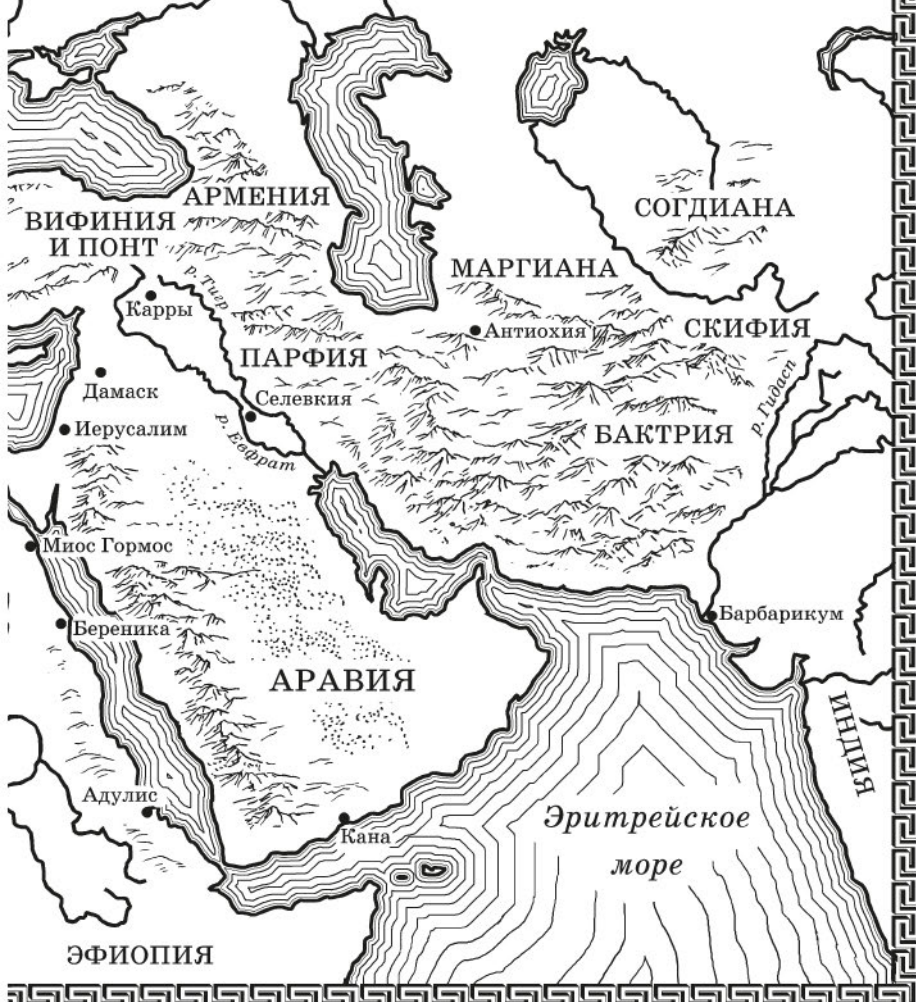
© А. В. Гришин, перевод, 2012
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

*Моей замечательной жене Саре,
без любви, поддержки и терпения которой
многие вещи я переносил бы с трудом.
Эта книга посвящается тебе*

ЕВРАЗИЯ

В I ВЕКЕ
ДО РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

ГЛАВА I

ХРАМ МИТРЫ

Восточная Маргиана, зима 53/52 г. до н. э.

Отойдя на добрую милю от форта, парфяне наконец остановились. Ровный хруст сапог и сандалий по промерзшей земле смолк, и сразу повисла оглушительная тишина. Негромкое покашливание и звон кольчуг мгновенно глохли в ледяном воздухе. Еще не совсем стемнело, и Ромул смог разглядеть цель похода: почти бесформенный серовато-коричневый утес, искалеченный ветрами и непогодами, замыкал череду приземистых холмов. Всматриваясь в сгущавшийся мрак, крепкий молодой солдат попытался понять, ради чего мог прийти сюда воинский отряд. В поле зрения не было никаких строений, и извилистая тропинка, по которой они шли, похоже, прерывалась у подножия утеса. Удивленно вскинув брови, он повернулся к Бренну, своему другу и, пожалуй, приемному отцу.

— Во имя Юпитера, зачем мы здесь?

— Тарквинию что-то известно, — буркнул Бренн, сутуля под толстым военным плащом могучие плечи. — Как всегда.

— Но нам он ничего не скажет! — Ромул сложил ладони пригоршней, поднес к лицу и принялся дышать на них, пытаясь отогреть пальцы и щеки одновременно. Его орлиный нос уже заоченел.

— Рано или поздно все прояснится, — усмехнувшись, ответил галл. Ромул хотел было возразить, но промолчал. Нетерпеливость не ускоряет событий. Подожди, сказал он себе.

Оба воина были в матерчатых безрукавках на голое тело. Поверх — кольчужные рубахи. Хорошо защищая от ударов клинков, тяжелая металлическая сеть буквально высасывала тепло из тела. Шерстяные плащи, шарфы и войлочные колпаки под бронзовыми шлемами помогали сохранять тепло и кое-как спасали от мороза. Впрочем, толку от этого было немного, так

как ноги в тяжелых стоптанных сандалиях-калигах, лишь до середины икр прикрытые штанами из грубой шерсти, все равно невыносимо мерзли.

— Ну так пойди и спроси его, — вновь усмехнулся Бренн. — Пока мы яйца не отморозили.

Ромул тоже улыбнулся.

Оба они уже обращались к этруску-гаруспику за разъяснениями, когда он недавно появился в душевой комнатухе казармы, чтобы позвать их с собой. Тарквиний редко распространялся о предстоящих событиях. Вот и на этот раз он лишь невнятно пробормотал что-то об особом приказе Пакора, командира легиона. И о том, что есть шанс выяснить, удастся ли им выбраться из Маргианы. Отпускать друга одного им не хотелось, да и узнать что-то новенькое тоже было неплохо.

Бои, почти непрерывно продолжавшиеся два минувших года, уже несколько месяцев как закончились. Однако долгожданная передышка быстро превратилась в утомительную рутину. Теперь в выстроенном по классическому римскому образцу лагере они непрерывно упражнялись, чтобы сохранить силу и выносливость, несли караульную службу, чинили снаряжение и даже маршировали парадным строем. Некоторое разнообразие вносили в жизнь нечастые рейды по окрестностям. Этой суровой зимой даже племена, постоянно совершавшие набеги на Маргиану, не желали воевать. И потому предложение Тарквиния показалось даром небес.

И все же нынче Ромул не просто искал развлечения. Ему было позарез необходимо услышать хоть какое-нибудь упоминание о Риме. Город, где он родился, лежал теперь на противоположном конце мира, и дорогу туда преграждали раскинувшиеся на тысячи миль горы, пустыни и страны, населенные враждебными народами. Есть ли у него шанс когда-нибудь возвратиться туда? Как почти все его товарищи, Ромул днями и ночами грезил о такой возможности. Здесь, на краю земли, никакой иной опоры просто не было, и неожиданная непонятная прогулка все же вселяла какую-то крупинку надежды.

— Ладно, подожду, — произнес он, немного помолчав. — Как-никак мы же сами вызвались. — Юноша потупил взгляд и переступил с ноги на ногу. Висевший на переброшенном через плечо

кожаном ремне овальный щит, скутум, качнулся от его движения. — Ты же видел, какое настроение у Пакора. Да если я вылезу с вопросом, он собственноручно отрежет мне яйца. Пусть уж лучше отмерзнут сами.

Бренн громко захохотал.

Пакор, низкорослый и смуглый парфянин, одетый в богато расшитую безрукавку, штаны и высокие сапоги, возглавлял отряд. Спасаясь от холода, он кутался в плащ из медвежьей шкуры, голову его прикрывала остроконечная парфянская шляпа. Под меховой накидкой к узкому, украшенному золотом поясу были привешены два кинжала и меч, на ножнах и рукояти которого сверкали драгоценные камни. Пакор, храбрый, но совершенно безжалостный человек, командовал Забытым легионом, остатками огромной римской армии, которую разгромил минувшим летом парфянский военачальник Сурена.

Оба друга, как и Тарквиний, были всего лишь ничем не примечательными солдатами. К тому же пленниками. Какая нелепость, думал Ромул. Неужели ему всю жизнь предстоит менять одного хозяина на другого? Первым был Гемелл, жестокий купец, которому принадлежала вся семья Ромула — мать Вельвинна, сестра-близнец Фабиола и он сам. Когда у Гемелла начались серьезные денежные затруднения, он продал тринадцатилетнего Ромула Мемору, ланисте Лудус магнус, самой большой гладиаторской школы Рима. Мемор не был садистом, как Гемелл, но, всегда занимаясь одним и тем же — обучением рабов и преступников тому, как сражаться и умирать на арене, — ни во что не ставил жизнь гладиаторов. Ромул даже сплюнул, вспомнив о прошлом. Там, в школе, чтобы выжить, ему приходилось убивать. И не раз. «Убивай, не то тебя убьют» — Бренн постоянно повторял эти слова; они и сейчас звучали в ушах юноши.

Ромул проверил, легко ли ходит в ножнах его короткий обоюдоострый гладиус, висит ли на поясе с другой стороны кинжал с костяной ручкой. Он давно уже совершал эти действия не задумываясь, по привычке. Но сейчас на его лице мелькнула улыбка — он заметил, что Бренн делает то же самое. Как и все римские солдаты, они несли с собою по два копья с железными остриями — пилумы. Их спутники, несколько лучших воинов Пакора, ничуть не походили на римлян. Одеты они были почти

так же, как командир, только заметно проще — в шерстяные, а не меховые плащи с разрезами; вооружены длинными ножами, а на боку у каждого висел легкий колчан, в котором помещались и могучий многослойный лук, и запас стрел. Парфяне знали толк в обращении с самым разным оружием, но прежде всего славились своим умением стрелять. Мне повезло, что не пришлось биться ни с одним из них на арене, подумал Ромул. Любой парфянский лучник мог выпустить полдюжины стрел за то время, какое требуется человеку, чтобы пробежать сотню шагов. И почти каждая стрела попадала в цель.

К счастью, в школе гладиаторов судьба свела его с Бренном. Ромул снова взглянул на друга, на сей раз с искренней благодарностью. Если бы не дружба с галлом, он наверняка не выдержал бы той страшной жизни. А так за два года на его долю выпало лишь одно происшествие, по-настоящему опасное для жизни. Тогда, поздней ночью, казалось бы, обычная уличная потасовка закончилась тем, что обоим друзьям пришлось немедленно бежать из Рима. Им удалось наняться в армию, и новым их хозяином сделался Красс. Этот политик, богач и член правящего в Риме триумvirата отчаянно стремился достичь военной славы, которой обладали его сопративители Юлий Цезарь и Помпей Великий. Чванливый глупец, подумал Ромул. Будь у него что-то общее с Цезарем, все мы сейчас были бы дома. Но Красс привел тридцать пять тысяч человек не к славе, а к кровавому позорному разгрому близ Карр. Оставшиеся в живых — приблизительно треть армии — попали в плен к парфянам, превосходившим жестокостью даже Мемора. Пленники были поставлены перед выбором: их «напоят» расплавленным золотом, распнут на крестах или же они согласятся нести пограничную стражу в дальнем, малонаселенном конце Парфянского царства. Естественно, легионеры выбрали третий вариант.

Ромул вздохнул, теперь он уже сомневался, что выбор был верным. Начинало казаться, что они проведут остаток жизни в боях с извечными врагами новых повелителей — дикими кочевыми племенами из Согдианы, Бактрии и Скифии.

И сюда он пришел, чтобы узнать, есть ли какой-нибудь выход из этого жалкого положения.

Взгляд темных глаз Тарквиния пробежал по скале. Ничего.

Тарквиний не походил ни на кого из тех воинов, с которыми ему выдалось служить. Длинные белокурые волосы, схваченные матерчатой лентой, не скрывали тонкого лица с высокими скулами и золотой сережкой в правом ухе. Под одеждой этруск носил бронзовую кирасу, отделанную кольчужной полосой, завершала его одяние короткая, отороченная кожей юбка центуриона. За спиной — небольшой мешок на лямках. С правого плеча свисала на ремне обоюдоострая боевая секира. В отличие от всех остальных гаруспик никогда не носил плаща. Он хотел, чтобы его органы чувств всегда работали с полной нагрузкой.

— Ну! — требовательно воскликнул Пакор. — Видишь вход?

Тарквиний чуть заметно нахмурил брови, но ничего не сказал. За долгие годы обучения у Олиния, своего наставника, он научился терпению. Впрочем, другие часто принимали его деланую бесстрастность за самодовольство.

Командир как бы ненароком взглянул направо.

Тарквиний же нарочно поглядел в другую сторону. О великий Митра, думал он, покажи мне свой храм.

— Здесь не больше тридцати шагов! — усмехнулся Пакор, не в силах больше сдерживаться.

Несколько воинов злорадно захихикали.

Не меняя выражения лица, Тарквиний перевел взгляд туда, куда за мгновение до того смотрел командир. Он долго и пристально всматривался в утес, но так ничего и не увидел.

— Ты шарлатан. Я всегда был в этом уверен, — рявкнул Пакор. — Зря я сделал тебя центурионом.

Похоже, парфянин напрочь забыл о том, как он, Тарквиний, снабдил легион секретным оружием, с горечью подумал гаруспик. Рубин, несколько лет назад полученный в дар от Олиния, пошел в уплату за шелк, который до сих пор покрывал щиты пяти с лишним тысяч легионеров, делая их неуязвимыми для смертоносных стрел, выпущенных из мощных изогнутых луков. Это он, Тарквиний, додумался изготовить несколько тысяч длинных копий, с которыми пехота могла успешно противостоять любой коннице. Только благодаря изобретенной им тактике удалось полностью уничтожить мощный воинский отряд согдийцев, громивший города Маргианы. Не говоря уже о том,

что его лекарские знания помогли спасти жизни множеству раненых и больных воинов. Присвоение звания центуриона явилось молчаливым признанием заслуг Тарквиния и подтверждением того уважения, каким он пользовался в войске. Но возвращать командиру ему до сих пор не приходилось.

Власть над жизнью всех воинов полностью принадлежала Пакору. Пока что Тарквиния и, в какой-то степени, его друзей защищал от произвола, который мог вылиться в жестокое наказание, пытку или даже смертную казнь, тот страх, который командир легиона испытывал перед пророческими способностями гаруспика. А в последнее время — впервые за всю жизнь этруска — они покинули его.

И постоянным спутником Тарквиния сделался страх — неведомое ему прежде чувство.

Уже несколько месяцев ему приходилось выкручиваться, полагаясь только на собственное чутье, не получая от богов никаких вразумительных подсказок. Тарквиний пристально вглядывался в каждое облако, изучал каждый порыв ветра, каждую птицу, каждое животное, которые попадались ему на глаза. Тщетно. Даже жертвоприношения кур и агнцев, обычно позволявшие безошибочно угадывать будущее, оказывались по большей части бесплодными. Лиловая печень жертвенных животных, богатейший источник предвидения, какой только знала гаруспиция, не давала ему никаких подсказок. Тарквиний не мог понять происходящего. Я был гаруспиком почти двадцать лет, мрачно думал он. И никогда прежде не лишался дара предвидения. Наверное, боги всерьез разгневались на меня. То и дело Тарквиний вспоминал Харона, этрусского демона загробного мира, и то, как он появится из-под земли, чтобы поглотить всех. Рыжеволосый, синезокий Харон таился в тени Пакора, из его пасти торчали зубы, с которых обильно капала слюна, и он готов был растерзать Тарквиния, как только терпение командира иссякнет. А этого недолго оставалось ждать. Вовсе не обязательно быть гаруспиком, чтобы понять, что значат движения Пакора, устало подумал Тарквиний. Парфянин походил на полосу закаленного металла, скрученную так туго, что она в любой момент могла или распрямиться с сокрушительной силой, или сломаться.

— Ну ладно, ради всех святынь, — загремел Пакор, — так и быть, покажу тебе! — Выхватив факел у одного из стражников, он двинулся вперед. Остальные последовали за ним. Пройдя двадцать шагов, парфянин остановился. — Смотри! — Он указал факелом вперед.

Глаза Тарквиния широко раскрылись. Прямо перед ними лежала площадка, вымощенная тщательно обтесанными булыжниками. Посреди нее темнело обрамленное тяжелыми каменными плитами большое квадратное отверстие, ведущее под землю. На обветренных камнях виднелись высеченные надписи и рисунки. Тарквиний шагнул поближе, чтобы разглядеть изображения, и узнал очертания ворона, подогнувшего передние ноги быка, красивую корону о семи зубцах. А это? Неужели фригийский колпак? Изображение очень походило на те тупоконечные шапки, которые с незапамятных времен носили гаруспики, с трепетом подумал он. Эти картинки не на шутку взволновали его, потому что за ними, возможно, скрывалось то, что он давно искал, — указание на места, откуда некогда пришли соплеменники Тарквиния.

Много веков назад этруски заселили Центральную Италию, но пришли они с востока. Следы их цивилизации попадались в Малой Азии, но легенда утверждала, что они явились из каких-то гораздо более дальних мест. Из тех, откуда пришел Митра. Не многое так уж волновало Тарквиния, но эта легенда — больше всего. Уже много лет он искал сведения о прошлом этрусков, но добился очень малого. И только здесь, на востоке, непроницаемый туман времени вроде бы начал понемногу рассеиваться. А это значило, что Олиний был прав — в очередной раз. Старик предсказал ему, что он сможет узнать больше, совершив путешествие в Парфянское царство и за его пределы.

— Обычно в храм Митры допускается только тот, кто верует в него, — провозгласил Пакор. — Нечестивцы караются смертью.

Все мысли о возможном открытии истоков происхождения этрусков вылетели из головы Тарквиния. Он невольно поморщился. Впрочем, каждое слово о Митре и поклонении ему давало лишний шанс выжить.

— Тебе дозволено войти, чтобы ты мог предсказать будущее мне и всему Забытому легиону, — продолжал Пакор. — Если я распознаю в твоих словах неправду, ты умрешь.

Ни одна черта не дрогнула на лице Тарквиния. Он продолжал молча смотреть на командира, ведь тот еще не закончил.

— Но перед этим, — чуть запнувшись, проговорил Пакор и перевел взгляд на Ромула и Бренна, — умрут твои друзья. Умрут медленной и мучительной смертью. А ты будешь на это смотреть.

Тарквиния захлестнул гнев, но он и этого не выдал, а лишь твердо посмотрел Пакору в глаза. Через несколько мгновений парфянин отвел взгляд. Какая-то сила у меня все еще остается, подумал гаруспик, но мысль эта вызвала ощущение, похожее на привкус пепла в пересохшем рту. Сейчас все преимущества были на стороне Пакора. Если только боги не ниспосллют гаруспику какое-нибудь достойное внимания откровение в храме Митры, то все они вскоре погибнут. И зачем он настоял, чтобы его друзья отправились нынче вечером вместе с ним? Вот самый маловажный из вопросов, которые он хотел бы задать богам. Собственная участь мало заботила Тарквиния, но совесть уже терзала его. Неужели и храбрый великан Бренн, и Ромул, молодой человек, которого он полюбил как сына, должны будут поплатиться за его промахи? Они познакомились спустя несколько дней после того, как завербовались в армию Красса, и вскоре крепко подружились. Тогда Тарквиний безошибочно предсказывал будущее, и друзья полностью доверяли ему. После первого разгрома при Каррах, когда единственным путем к спасению казалось бегство под покровом ночи, они доверились его решению и остались с ним, слепо связав свои судьбы с его будущим. И до сих пор то и дело обращались к нему за советом. Их жизни не могут оборваться здесь и сейчас, едва ли не с отчаянием подумал Тарквиний. Так не должно случиться.

— Да будет так! — отозвался он, повысив голос и постаравшись, чтобы в нем слышались нотки, звучавшие в важнейших из его предсказаний. — Митра подаст мне знак.

Ромул и Бренн резко повернули головы, и Тарквиний увидел, что лица обоих озарила надежда. Особенно Ромула. Почему-то Тарквинию от этого стало легче.

Пакор ослабился, будто предвкушая что-то приятное.

— Следуй за мной, — приказал он, поставив ногу на первую ступеньку.

Без малейшей заминки Тарквиний шагнул следом.

Сопровождал их лишь один могучий воин, личный телохранитель Пакора. В правой руке он держал обнаженный кинжал.

Стражники рассредоточились по площадке; факелы они воткнули в специально сделанные когда-то для этого отверстия в булыжниках. В круглом кострище лежали довольно свежие головешки, значит, или парфянские воины, или кто-то другой были здесь недавно. Ромул никак не мог опомниться после неожиданного исчезновения Пакора и Тарквиния. Прямоугольные плиты он заметил, но не сразу понял, что они обрамляли проход. Теперь, когда площадку осветили, Ромул увидел вырезанные в камне рисунки по обеим сторонам отверстия. Его охватило волнение; только сейчас он начал понимать, где оказался. Возле храма. Храма Митры.

И Тарквиний, похоже, не сомневался: внутри ему что-то открывается.

Охваченный стремлением узнать больше, юноша шагнул к входу, намереваясь войти в храм вслед за гаруспигом, но сразу полдюжины парфян преградили ему путь.

— Никто больше туда не войдет, — громыхнул один из них. — Храм Митры — святое место. И таким, как ты, там делать нечего.

— В глазах Митры все равны, — храбро ответил Ромул, вспомнив разговор с Тарквинием. — К тому же я воин.

Его слова немного смутили парфянина.

— Кому входить туда, решает командир, — так же резко сказал он после небольшой паузы. — Насчет вас двоих Пакор ничего не говорил.

— Так что же, нам просто ждать здесь? — осведомился Ромул, чувствуя, как его охватывает гнев.

— Совершенно верно, — подтвердил воин и шагнул вперед. Несколько его товарищей взяли за колчаны. — Все мы останемся здесь, пока Пакор не скажет, что делать дальше. Ясно?

Они смерили друг друга злобными взглядами. Хотя парфяне и легионеры уже не раз сражались бок о бок, о приязни между пленными и их победителями не могло быть и речи. И, как ясно чувствовали римляне, не следовало ожидать, что она возникнет в будущем. Ромул тоже не мог относиться к парфянам по-дружески. Ведь эти самые люди убивали его товарищей при Каррах.

Он почувствовал, как Бренн взял его за руку.

— Перестань, — спокойно произнес галл. — Не стоит.

Бренн вмешался в происходившее не раздумывая, чисто инстинктивно. За минувшие четыре года Ромул сделался ему дороже родного сына. С тех пор как судьба свела их, его собственная, пусть скорбная и страшная жизнь сделалась как будто легче. Благодаря Ромулу у него появилась причина жить. Ромул же, которого Бренн неустанно обучал и тренировал, теперь, в семнадцать лет, сделался могучим бойцом. Усилиями Тарквиния Ромул кое-чему научился, он мог даже читать и писать. И лишь в редких случаях, подобных этому, пылкая душа юноши брала верх над рассудительностью. Я сам когда-то был таким, думал Бренн.

Глубоко вздохнув, Ромул отошел. Парфянин, оставшийся стоять на месте, надменно ухмыльнулся. Ромул терпеть не мог отступать. Особенно в тех случаях, когда у него имелась возможность увидеть что-то важное. Но в большинстве случаев отступление было самым разумным решением.

— Зачем Тарквинию понадобилось тащить нас сюда?

— Для поддержки.

— Против кого? Против этих жалких псов? — Ромул, словно не веря своим глазам, вновь обернулся к парфянам. — Их здесь двадцать человек. И все с луками.

— Да, силы не равны, что верно, то верно, — пожал плечами галл. — Но ему больше не к кому было обратиться.

— Нет, дело здесь не только в этом, — отозвался Ромул. — Тарквиний поступил так не без причины. Мы должны быть здесь.

Бренн покрутил косматой белокурой головой, посмотрел по сторонам. Безжизненный пейзаж скрыла тьма очередной тягостно-горькой ночи.

— Чего не знаю, того не знаю, — сознался он. — По-моему, это место забыто всеми богами. Тут нет ничего, кроме земли и камней.

Ромул хотел было согласиться с другом, но неожиданно заметил два сверкающих пятнышка, в которых отражался свет факелов. Он застыл, всматриваясь во мрак. Далеко, почти невидимый во мраке, сидел и глядел на них шакал. Зверь был абсолютно неподвижен, лишь по блеску глаз можно было догадаться, что это не изваяние.

— Мы не одни, — радостно прошептал Ромул. — Вот! Смотри.

Бренн гордо улыбнулся, как будто сам проявил незаурядную наблюдательность. Он был опытниейшим охотником, однако не заметил небольшого хищника. Такие случаи происходили все чаще и чаще. Теперь Ромул умел находить следы животных даже на голых камнях, у него обнаружилась редкая способность замечать мельчайшие детали. Упавшая ветка, сломанная былинка, неровный след, если добыча ранена... Найти кого-то, обладавшего таким же умением, непросто.

Таким был Брак.

Давнее чувство нахлынуло на Бренна: печаль из-за того, что у его молодого двоюродного брата нет и не будет возможности вот так стоять рядом с ним. Как и жена Бренна, его младенец-сын, да и все племя аллоброгов, Брак был мертв, убит римлянами восемь лет тому назад. Ему тогда исполнилось столько же лет, сколько сейчас Ромулу. Пытаясь ослабить хватку острых когтей извечного горя, Бренн пожал массивными плечами и тихо повторил слова Ультана, друида аллоброгов. Его тайное пророчество, о котором каким-то образом прознал Тарквиний.

«Тебя ждет такое путешествие, какого не совершал еще никто из аллоброгов. И не совершит впредь».

Так оно и вышло. Сейчас Бренн находился на восточной границе Маргианы, примерно в четырех месяцах пешего пути на восток от злополучных Карр, за три тысячи с лишним миль от Галлии. И до сих пор оставалось неизвестным, как и когда закончится странствие. Впрочем, от этих мыслей его отвлекло новое прикосновение руки Ромула.

— Беленус всемогущий! — чуть слышно выдохнул Бренн. — Он же ведет себя как собака. Видишь?

Действительно странно — животное сидело точь-в-точь как собака, следящая за действиями своего хозяина.

— Это знак богов, — пробормотал Ромул, тут же задумавшись над тем, как истолковал бы происходившее Тарквиний. — Наверняка.

— Может, ты и прав — проникаясь той же тревогой, согласился Бренн. — Шакалы — падальщики, они питаются любыми трупами.

Они многозначительно переглянулись.

— Нынче ночью здесь будет для них пожива, — сказал Бренн, поежившись. — Нутром чую.

— Возможно, — задумчиво кивнул Ромул. — Но мне кажется, что появление шакала — добрый знак.

— С чего это?

— Сам не знаю. — Ромул смолк и попытался применить те обрывки знаний, которые от случая к случаю передавал ему Тарквиний.

Тщательно контролируя дыхание, Ромул вгляделся в шакала и в воздух над ним, выискивая нечто, чего его синие глаза при обычных обстоятельствах не могли бы рассмотреть. Казалось, он не двигался целую вечность; даже выдыхаемый воздух клубился вокруг него густым серым туманом.

Бренн тоже молчал.

Парфяне, собиравшиеся разжечь костер, подчеркнуто не замечали их.

В конце концов Ромул повернулся. На лице его было отчетливо написано разочарование.

Бренн следил за шакалом, который сидел все в той же позе.

— Ничего не увидел?

Ромул печально покачал головой.

— Он явился, чтобы следить за нами, но я не знаю почему. Тарквиний сказал бы.

— Не тревожься, — хлопнул друга по плечу галл. — По крайней мере, теперь нас четверо против двадцати.

Ромул против воли улыбнулся.

Там, где они стояли, было очень холодно, но им обоим казалось, что даже шакал куда ближе и роднее им, нежели воины Пакора. И потому, вместо того чтобы греться у огня, они сели бок о бок возле большого валуна и закутались в плащи.

И как вскоре выяснилось, это решение спасло им жизнь.

Хорошо видя лестницу в свете факела, который держал Пакор, Тарквиний спускался по грубо вырубленным в земле ступеням и чувствовал, как ускоряется его пульс. По сторонам узкой лестницы возвышались деревянные подпорки, не дававшие земле обвалиться и засыпать проход. Ни командир, ни его телохранитель не говорили ни слова. Это полностью устраивало Тарквиния. Он молился Тинии, самому могущественному из этрусских богов. И Митре, невзирая на то что никогда прежде не обращался к нему. Таинственная и неведомая религия очаровала Тарквиния, как только он впервые узнал о ней — еще в Риме. Тогда этот культ только-только начал распространяться; за десять лет до того его принесли с собой легионеры, воевавшие в Малой Азии. Последователи Митры вели себя до чрезвычайности скрытно, а идеалами называли истину, честь и доблесть. В культе существовало несколько уровней посвящения, и, чтобы перейти с низшего на высший, нужно было выдержать чрезвычайно мучительный обряд инициации. Вот и все, что знал гаруспик о митраизме.

Конечно, в том, что следы поклонения богу воинов обнаружались в Маргиане, нет ничего удивительного. Здесь культ Митры процветал, возможно, даже здесь он и зародился. Хотя лучше было бы выяснить все это при более благоприятных обстоятельствах. Тарквиний саркастически усмехнулся. Он сам и его друзья пребывали на волосок от смерти. А значит, пришло время быть смелым. Если повезет, бог не разгневется на просьбу от непосвященного, столь необычным образом вошедшего в его храм. В конце концов, я ведь не просто гаруспик, гордо сказал себе Тарквиний. Я еще и воин.

«Великий Митра, я иду со смирением в сердце, чтобы поклоняться тебе. Молю тебя: ниспошли мне знамение благоволения, которое могло бы умиротворить твоего слугу, Пакора. — Он замер в нерешительности, но затем все же отважился закончить

свою молитву. — Я нуждаюсь в твоём водительстве, чтобы найти обратную дорогу в Рим».

Тарквиний возносил молитву со всей силой, которую мог найти в своей душе.

Ответом ему была оглушительная тишина.

Он попытался не допустить в душу разочарования, но безуспешно.

Пройдя восемьдесят четыре ступеньки, они оказались внизу.

Воздух в подземелье был затхлым. Там перемешались запахи мужского пота, ладана и сгоревших дров. Ноздри Тарквиния зашевелились, а руки покрылись гусиной кожей. Здесь ощутимо присутствовала сила. Если бог находится в благоприятном расположении духа, то можно всерьез надеяться на то, что прорицательские способности вернуться к Тарквинию.

Пакор полуобернулся и заметил реакцию гаруспика.

— Митра — великий бог, — ухмыльнулся он. — Если ты попытаешься солгать, я это замечу.

— Ты не будешь разочарован, — спокойно ответил Тарквиний, не отводя взгляда.

Пакор хотел добавить что-то еще, но сдержался. На первых порах способность Тарквиния предсказывать будущее и находить решения самых сложных проблем чуть ли не в воздухе приводила его в трепет. Он ни за что не признался бы в этом вслух, но первые успехи Забытого легиона по изгнанию грабителей-кочевников были достигнуты лишь благодаря присутствию в войске гаруспика. Но несколько месяцев назад точные предсказания Тарквиния сменились туманными, очень неопределенными рассуждениями. Поначалу Пакор не обращал на это внимания, но вскоре положение изменилось. Он остро нуждался в пророчествах, потому что должность командующего на восточной границе Парфянского царства была обоюдоострой, словно меч. Пакор сделал громадный рывок вверх, однако в его положении можно было ожидать чего угодно. Даже для того, чтобы просто выжить, Пабору приходилось рассчитывать на божественную помощь.

Какое-то время банды соседей очень часто тревожили пограничные земли. Причина тому была довольно проста: готовясь отразить вторжение Красса, царь Ород, правитель парфян, годом

раньше вывел отсюда чуть ли не все местные гарнизоны. Большая часть военных сил отправилась на запад, и пограничье осталось почти без защитников. Кочевники не преминули воспользоваться предоставленной им возможностью грабить поселения, находившиеся неподалеку от границы. Вскоре они осмелели и стали соперничать уже между собой за право терзать Маргиану.

Повеление, которое Пакор получил от Орода, звучало очень просто: разбить всех врагов и восстановить мир. Как можно быстрее. Пакор выполнил царскую волю. Но этот успех ставил под угрозу его положение и даже саму жизнь — царь не на шутку опасался любого военачальника, который хорошо проявил себя на поле битвы. Даже Сурена, одержавший великую победу при Каррах, не уцелел. Завидуя славе полководца и страшась ее, Ород через некоторое время после сражения приказал казнить Сурену. Подобные известия держали прочих военачальников пониже рангом, таких как Пакор, в постоянной неуверенности. Они лезли из кожи вон, чтобы заслужить царскую милость, но никогда не знали, как будут расценены их успехи, и отчаянно нуждались в разнообразной помощи, в частности от людей, подобных Тарквинию.

Страх — последнее оружие, которое имеется у меня против Пакора, думал гаруспик. Но и оно пришло в негодность. Тарквиний чувствовал усталость, его воля ослабла. Если бог ничего не откроет ему, то придется сплести правдоподобную выдумку, которая смогла бы убедить безжалостного парфянина и спасти его самого и его друзей от гибели. Но Тарквиний уже несколько месяцев обманывал Пакора и сейчас сомневался, способно ли его воображение породить что-либо толковое.

В полном молчании они шли по коридору с укрепленными точно так же, как и на лестнице, стенами. А потом оказались в вытянутом узком зале.

Пакор прошел по периметру зала, начав с левой стороны, и зажег от факела расставленные в маленьких нишах масляные светильники.

Помещение залил свет, и Тарквиний увидел росписи на стенах, невысокие скамейки вдоль стен и мощные деревянные столбы, поддерживающие низкий потолок. Но его взгляд сразу же

обратился к торцу митреума, где стояли три алтаря, над которыми красовалась яркая фреска. На ней был изображен закутанный в плащ человек во фригийском колпаке, который, склонившись над припавшим на передние колени быком, вонзал нож глубоко ему в грудь. Митра. Его темно-зеленый плащ был расписан сверкающими звездами, по обе стороны возвышались, наблюдая за действиями бога, таинственные фигуры с пылающими факелами.

— Тавроктония, — благоговеино склонив голову, прошептал Пакор. — Убив священного быка, Митра принес жизнь в мир.

Тарквиний, стоявший у него за спиной, не глядя, почувствовал, что телохранитель поклонился, и поступил так же.

Пакор медленно прошествовал к алтарю, пробормотал краткую молитву и поклонился в пояс.

— Бог здесь, в своем храме, — сказал он и отступил на несколько шагов. — Будем надеяться, он откроет тебе что-нибудь.

Тарквиний закрыл глаза и попытался собраться с силами. Ладони у него вдруг вспотели; никогда еще с ним не случалось такого. И никогда раньше он настолько не нуждался в помощи богов. Гаруспик сделал в прошлом множество важных предсказаний, но ни разу от него не требовали пророчества под страхом смерти. К тому же здесь он не мог наблюдать ни за ветром, ни за облаками, ни за птичьими стаями. Не было даже животного, которое можно было бы принести в жертву. Я один, думал Тарквиний. Он безотчетно опустил на колени. Великий Митра, помоги мне!

Он поднял взгляд к священному изображению и уловил в полузакрытых капюшоном плаща глазах понимание. Что ты можешь предложить мне? — казалось, спрашивал бог. У Тарквиния не было ничего, кроме себя самого. «Я буду твоим верным слугой», — шептал гаруспик, застыв перед алтарем.

Ответа он не дождался.

— Ну?! — резко произнес Пакор; его голос раскатился гулким эхом в небольшом помещении.

Тарквиний чувствовал себя полностью опустошенным. Разум его безмолвствовал. Пакор произнес несколько гневных слов, и телохранитель молча подошел к гаруспику.

Кейн Б.

К 33 Серебряный орел : роман / Бен Кейн ; пер. с англ. А. Гришина. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 512 с. — (The Big Book. Исторический роман).

ISBN 978-5-389-20887-2

I век до нашей эры. Потерпев поражение в схватке с безжалостным врагом на краю известного мира, выжившие legionеры оказываются в плену у парфян. Брошенные Римом на произвол судьбы, эти люди — Забытый легион. Среди них трое друзей: галл Бренн, этрусский прорицатель Тарквиний и Ромул, беглый раб и внебрачный сын римского патриция. Объединенные ненавистью к Риму и мечтой о Свободе, они противостоят диким племенам, которые их окружают, а также куда более коварным врагам в рядах самого легиона... Тем временем Фабиола, сестра-близнец Ромула, храня надежду, что ее брат жив, вынуждена бороться во имя собственного спасения. Освобожденная могущественным любовником, но окруженная врагами со всех сторон, она отправляется в Галлию, где ее покровитель противостоит свирепым местным воинам. Но более сердечной привязанности ею движет жажда мести: лишь он, правая рука Цезаря, в силах помочь ей осуществить коварный замысел...

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

БЕН КЕЙН
СЕРЕБРЯНЫЙ ОРЕЛ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректор Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 03.03.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 32. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

V-BBN-29802-01-R